

УДК 800.1 (082)
ББК 81.2

Д. Д. Санжина
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия),
e-mail: dsanzhina@yandex.ru

Язык и культура

Статья посвящена освещению современных подходов на проблему взаимодействия языка и культуры. Показано, что язык является одним из важнейших элементов культуры любого народа, что он является важнейшим фактором сохранения этнического самосознания. Неразрывное единство национального языка и национальной культуры обретает в жизни народа многообразные воплощения. Языковые же факты и феномены культуры не поддаются строгому разграничению, потому что изменения, происходящие в сфере культуры, отражаются в языке, а языковые эволюции в свою очередь стимулируют ход культурных процессов. На конкретных языковых материалах бурятского языка показано, что культура, представляя собой наивысший семиотический уровень, принадлежит в равной степени как к миру языка, так и к миру действительной жизни людей; проявление своеобразия национальной бурятской культуры рассматривается на примере тропообразования – метафоры.

Ключевые слова: национальный, культура, язык, феномен, текст, метафора, взаимодействие, семиотика.

D. D. Sanzhina
Doctor of Philology, professor,
Buryat State University (Ulan-Ude, Russia),
e-mail: dsanzhina@yandex.ru

Language and Culture

The paper covers modern approaches to the problem of interaction between language and culture. It shows that language is one of the most important elements of the culture of any nation, that it is an important factor in the preservation of ethnic identity. The indissoluble unity of the national language and national culture takes multiple incarnations in people's lives. Linguistic facts and cultural phenomena can not be strictly differentiated, because cultural changes are reflected in the language. Language evolutions, in turn, stimulate cultural processes. The author uses specific language materials of the Buryat language and shows that culture, representing its highest semiotic level belongs to the world of language as well as to the world of real life. The study involves the manifestations of national Buryat culture illustrated by such tropes as metaphors.

Keywords: national, culture, language, phenomenon, text, metaphor, interaction, semiotics.

Семиотическая методология лингвистики, успешно разработанная в прошлом (XX) веке, позволяет использовать одни и те же инструменты анализа в исследовании не только языка, но и культуры. Известно, что современная лингвистика вовлекла в сферу своих исследований текст. И это также сближает её с культурологией, ибо текст, как и культура, есть произведение, нечто сконструированное, специально созданное человеком. Таким образом, внутри самой лингвистики назвали условия, позволяющие заново ставить и по-новому решать проблему взаимоотношения языка и культуры. В этой связи в настоящее время мы имеем возможность проложить достаточно надёжный путь от язы-

ка к культуре и увидеть в последней феномен, без рассмотрения которого сам язык не может быть осмыслен глубоко и полно. Обращение к культуре закономерно, оно принесёт известную пользу для познания определённой стороны духовной деятельности человека и необходимо лингвистике для её внутреннего развития, для осмысления или переосмысления собственного объекта исследования – языка.

Язык же является одним из важнейших элементов культуры любого народа. Язык является исключительно важным фактором сохранения этнического самосознания. Неразрывное единство национального языка и национальной культуры обретает в жизни народа многооб-

разные воплощения. Факты языка и феномены культуры не поддаются строгому разграничению, потому что изменения, происходящие в сфере культуры, отражаются в языке, а языковые эволюции в свою очередь стимулируют ход культурных процессов.

Многогранность и глубина проблемы взаимодействия языка и культуры позволяет находить новые аспекты её изучения, в частности в связи с проблемой творческого начала в языке и особенностей его проявления в национальных языках. Большой интерес в этом отношении, как яркое проявление своеобразия национальной культуры, вызывает тропообразование, в частности появление метафоры в языке.

Наиболее полно диалектика понятий «национальный язык» и «национальная культура», основательно изученная Вильгельмом фон Гумбольдтом, раскрывается в связи с общепило-софской проблемой соотношения мышления и языка. По образному выражению Гумбольдта: «мир, в котором мы живём, есть ... именно тот мир, в который нас помещает язык, на котором мы говорим» [3, с. 109].

Складывающаяся в процессе развития национальной культуры система понятий отражает присущее данной нации восприятие действительности и выражает его в языке. При этом, чем сильнее воздействие национальной культуры на язык, тем богаче и специфичнее развитие последнего; с другой стороны, от богатства языка зависит глубина и полнота выражения им национальной самобытности. Наиболее гибко и нетрадиционно выразить особое мировидение позволяют метафоры, образованные в процессе функционирования элементов риторического поля, с которым связано представление о творческом начале языка. Процесс тропообразования не хаотичен: с одной стороны, он обусловлен принципиальными особенностями строя самого языка, с другой – своеобразием национального мировидения, что вместе налагает ограничение на многообразие способов тропообразования, в частности метафор, и определяет их специфику в том или ином языке.

Современные исследования метафоры основываются на фундаментальной идее, идущей ещё от Аристотеля, – идее метафорического переноса. Так, по мнению Аристотеля, метафора – это имя, перенесённое с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид. Детализация этой идеи – что и как переносится – лежит в основе многочисленных подходов современных исследователей к метафоре. Результаты совре-

менных исследований [1; 2; 5; 6; 8; 4 и др.] позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной системы человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия.

Вместе с тем «метафора в наши дни представляется гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее», – пишет В. В. Петров в обзорной статье, посвящённой разработкам современных исследователей относительно метафоры [8, с. 135]. Несмотря на огромное количество трудов, ещё очень многое в метафоре остаётся неясным и неизвестным. Так, по мнению В. В. Петрова: «в результате более чем тридцатилетнего активного изучения метафоры мы имеем значительное число несоизмеримых и соперничающих между собой подходов. Они различаются как своими «до-теоретическими» базами данных, так и конечными целями. Нельзя сказать, что теперь мы хорошо понимаем, что такое метафора. Скорее, мы гораздо сильнее сознаём глубину и фундаментальность этой проблемы... В общем, в этой золотой жиле – метафоре – осталось ещё много самородков и самые крупные ещё не найдены» [8, с. 145].

По мнению учёного: «сейчас более оправданно говорить о метафоре не только как о языковом, но скорее как о концептуальном феномене. Этот вывод кажется ещё более обоснованным, если помнить, что репрезентация метафоры существует на двух принципиально различных уровнях – пропозициональном и образно-ассоциативном» [8, с. 145].

Итак, посредством метафорического переноса названий человеком познаётся окружающая действительность, создаётся образ мира, который, как известно, меняется от одной культуры к другой и, вследствие этого, не существует двух абсолютно тождественных этнолингвокультур, и нет двух абсолютно тождественных образов мира. Поскольку в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных моделей, сознание человека всегда этнически обусловлено. Метафоризации обычно подвергаются широко известные, функционально наиболее употребительные слова – это имена существительные, глаголы. В большей степени метафоризации подвергаются конкретные существительные – имена естественных родов, реалий и их частей, а также имена ре-

ляционного значения, создающие метафорические перифразы (үрөөһэн бөөрэ «неразлучный друг; ~ не разлей вода», букв. «одна из (пары) почек»). Среди признаков слов – это прилагательные, обозначающие физические качества (хатуу хүн «твёрдый, волевой, жёсткий человек; перен. скупой человек»), описательные глаголы (тэнгэри сэлмэбэ «небо прояснилось»).

Метафора является одним из основных источников многозначности. Главным критерием полисемии, как известно, принято считать наличие семантической связи между значениями слова. Если такая связь утрачивается, слово распадается на омонимы – разные слова. Однако чаще массовой и стандартной как для словарных толкований, так и для лингвистических описаний является ситуация, когда разные значения многозначного слова не имеют никаких общих признаков (компонентов) и предстают как «список», перечень автономных единиц. Неправдоподобным является предположение, что человек хранит в памяти десятки (или сотни) тысяч совершенно не связанных друг с другом значений (и оперативно извлекает их по мере необходимости). «Списочный» подход оставляет за рамками лингвистического рассмотрения и проблему механизма образования новых значений, а они постоянно появляются. Причина самого существования полисемии в естественном языке – когнитивная, считают современные исследователи. Полисемия – это одно из основных средств концептуализации нового опыта. Когнитивный подход к описанию полисемии предполагает не инвентаризацию и классификацию существующих значений, а выявление общих закономерностей работы самого механизма их образования. Это позволит не только восстановить связи между значениями и представить их как единую систему, но и уточнить представления о том, как происходит «языковое расширение», как используются выделяемые из исходных значений когнитивные схемы для концептуализации нового опыта.

Один из важных аспектов функционирования языка – семантическая деривация, т. е. «производство» значений: новые значения постоянно появляются – значит, существует механизм их образования. И хотя все значения разные (поскольку они соответствуют разным внеязыковым реалиям), невозможно себе представить, чтобы каждое значение создавалось по совершенно уникальной «технологии», – это противоречило бы и принципу простоты, и принципу экономии – и, наконец, просто здра-

вому смыслу. Более естественно предположить, что существует определённое (обозримое) количество стратегий семантической деривации и типов (моделей) значений. При таком подходе производные значения должны рассматриваться не как «склад» или закрытый «список» уникальных единиц, а как материал для реконструкции общих правил и закономерностей их «производства», как продукты работы некоторого механизма, по которым мы можем судить об устройстве и принципах функционирования самого этого механизма.

Наибольший интерес для изучения механизмов семантической деривации представляет сравнительно небольшой круг наиболее освоенных, «основных» для человека ситуаций и объектов, куда входят основные типы положения в пространстве (байха «стоять», хууха «сидеть», хэбтэхэ «лежать»); основные типы движения (ябаха «ходить, идти», ошохо «идти», гүйхэ «бежать» и т. д.); основные способы перемещения объекта (абаха «брать», табиха «ставить», хаяха «бросать», татаха «тянуть», асарха «приносить, приводить»); основные способы преобразования объекта и воздействия на объект (хэхэ «делать», отолхо «резать», сохихо «бить», галдаха «жечь», эбдэхэ «ломать» и т. п.) и другие «основные» жизненные ситуации – состояния, отношения, признаки. Именно эти слова «основного фонда» являются наиболее многозначными, что имеет когнитивное объяснение.

Вообще, сам факт существования полисемии есть главное доказательство когнитивной природы этого явления. Полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек не изобретает новых знаков, а использует уже существующие, приспособивая их для выполнения новых функций. Человек понимает новое, неосвоенное через освоенное и известное, извлекая из исходных значений определённые семантические модели и распространяя их, точнее, «подводя» под них новые элементы опыта.

Значение – это возможность, возможность как идентифицировать исходную ситуацию, так и осмыслить новые ситуации. С другой стороны, значение – это ограничение, оно не рассчитано на что угодно, ограничен и круг исходных объектов и ситуаций, которые оно «обслуживает», и возможности его модификации и распространения на новые объекты или ситуации. Слово имеет определённый семантический потенциал, задающий логику его семантического

развития. Реализация этого потенциала приводит к образованию семантической парадигмы слова – системы производных значений определённых типов.

Главным источником полисемии, как известно, является метафора. Наиболее древними, уходящими в глубины языкового сознания, являются антропоморфные метафорические наименования, так как именно тело составляет для человека самое первое и наиболее очевидное проявление его, которое (тело) представляет собой наиболее реальное и вместе с тем очевидное отличие человека от других объектов, дающее основание идентификации себя как «Я» и в целом самое первое доказательство его бытия. Не случайно тело принимается за образец для внутренней репрезентации, с одной стороны, души человека (она видится внешне подобно телу), а с другой – всего материального мира, в котором человек живёт.

Новые номинации в языке образуются, как правило, путём переосмысления общеупотребительной лексики. В языковой картине мира монголоязычных народов широко используются в переносно-метафорическом значении слова, связанные с названиями частей тела. В частности, здесь очень продуктивна лексема аман (бур.), амн (калм.), ам (монг.), в прямом значении – это «рот, уста, губы; пасть, зев (у животных); клюв (у птицы)», в переносном значении: «1) слово, язык, речь; 2) едок, иждивенец; 3) парн. к названиям частей лица и самого лица; 4) по знач. определяемого переводится разными словами для обозначения предметов, напоминающих рот, или похожих на него, или относящиеся к нему». В БРС отмечено около 50 примеров употребления данного слова в переносном значении: хадын аман «горный проход» (букв. «горы рот»), эдихэ аман «дармоед» (букв. «кушать рот»), ама хахалха «начинать говорить первым, выступать первым (на собрании)» (букв. «рот разорвать») и др.

Базисную основу общеупотребительной лексики в монгольских языках составляет также номадная лексика. Наибольшую продуктивность в создании новых названий имеет лексико-тематическая группа слов, связанных с конем. Данный лексический пласт как объект анализа очень выразительно отражает этнокультурную специфику монгольских народов, ибо весь многовековой уклад жизни степняка-кочевника в прошлом был тесно связан с лошадей. Конь – морин (бур., монг.), мөрн (калм.), является одним из первых домашних животных

наших предков, он был известен уже в эпоху неолита. О древности данной лексемы в монгольских языках свидетельствует использование её в метафорическом значении, например: 1) в ботанических и зоологических названиях мөрн шарлжн (калм.), морин шарилж (монг.) «полюнь однолетняя горькая»; мөрн хатхач (калм.), морин хад (монг.) «крыжовник»; морин шиш (монг.) «конские бобы»; морин хараасгай (бур.), морин хараацай (монг.) «стриж»; морин хулгана (бур.), мөрн хулһн (калм.) «полевая мышь»; морин шоргоолж (монг.) «крупный муравей; лесной чёрный муравей; термит» и др.; 2) для обозначения огромных размеров чего-л.: морин самса (бур.), морин цамц (монг.) уст. «рубашка, платье (букв. лошадь рубашка)»; морин үльгэр (бур.), морин үлгэр (монг.) «большая былина», морин шэл (бур.), мөрн шил (кал.) «бутыл, четверть (уст.)».

Также древность слова «морин» подтверждается существованием многочисленных устойчивых выражений (поговорок, в которых ключевой является данная лексема: мориной хайниие унаад мэдэхэ (бур.) «доброту коня, оседлав, узнаёшь»; морины сайныг унаж мэддэг, хүний сайныг ханилж мэддэг (монг.) «качество коня познаётся в езде, качество человека – в дружбе»; бэлгийн морины шүд татдаггүй «дарённому коню в зубы не смотрят»; мөр унсна хөөн, элжн унулх (калм.) «посадить на осла после лошади; ≈ менять кукушку на ястреба» и др.

Глаголы, характеризующие физические действия, движения, совершаемые человеком, являются наиболее ранними, такие глаголы обычно многозначны. Например, абаха (бур.), аваха (монг.) авх (калм.) в прямом значении: 1) «брать, взять», имеет переносное значение; 2) «получать», 3) «принимать», 4) «доставать, добывать», 5) «снимать», 6) «убирать», 7) «стричь», 8) «покупать», 9) «хвататься», 10) «наживать», 11) «жениться»; 12) выступает в функции вспомогательного глагола; мэдэлдээ абаха «брать в своё ведение, забирать власть»; бариха (бур.), барих (монг.), бэрх (калм.); прямое значение 1) «держат, хватать, ловить, поймать»; переносное 2) «удерживать», 3) «иметь, содержать, управлять, ставить, строить», 4) «преподносить, подавать», 5) «управлять контролировать придерживать», 6) «держат себя в руках, брать себя в руки», 7) «хоронить участвовать в похоронах»; 8) часто употребляется в роли второго компонента парного глагола: гэр бариха «строить дом», нойр бариха «спать почивать» (букв

«сон держать»), эдээ бариха «есть, кушать» (букв. «пищу держать») бэлгийн морины шүд татдаггүй (монг.) «зубы подаренного коня не тянут» и др.

Одним из факторов, определяющих значение слова, как и его потенциальную многозначность, является его внутренняя форма; причем как её содержание, так и степень актуальности зависят от разных факторов, в том числе от индивидуального когнитивного стиля. При этом, с точки зрения роли в языковом сознании и влияния на реальное функционирование слова, внутренняя форма, возникшая в результате народной этимологии, ничем не отличается от «настоящей» внутренней формы, соответствующей реальной этимологии. Этот вывод основывается не только и не столько на использовании языка в его поэтической функции, сколько на том факте, что реальное историческое развитие часто опирается на вторичные сближения этимологически неродственных элементов.

Изучение взаимодействия культуры и языка также предполагает обращение к группам слов, мотивированным областью знания, которая их объединяет. К ключевым терминам метаязыка культуры относятся такие понятия, как причина, время, долг, истина, судьба, порядок, ложь, искренность, добро, зло, красота и др. Эти культурные концепции не просто существуют в любом языке. Они актуальны для каждого человека.

В рамках логического анализа языка становится возможным их лингвистический анализ. Национальная специфика компонентов духовной культуры, безусловно, не исчерпывается теми чертами, которые обусловлены языковым

способом её выражения. Однако компонент духовной культуры – язык занимает в ней особое место. В контексте сказанного вырисовываются контуры развития бурятской лингвистики с точки зрения концептуального анализа языка. Перед исследователями бурятского / монгольских языков встаёт глобальная задача: изучить национальные особенности языковых способов выражения восприятия действительности.

Сила языка, как средства общения и воздействия на формирование личности, в настоящее время особенно возрастает. Современные процессы демократизации оказывают благотворное влияние на подъём национального самосознания, способствуют новому осмыслению истории своего народа, его культуры, традиций, обычаев, проблем национального языка. И это не случайно. Ведь в языке заключён дух этноса, отражено его национальное сознание. В языке отражается и философия народа, пройденный им социальный путь, его история и культура. В этом смысле язык следует рассматривать как уникальное средство воспитания человека.

Язык, как инструмент, используется для передачи интеллектуальных знаний, морально-этических норм, эстетических ценностей народа. Изучение родного языка в таком ракурсе, т. е. во взаимосвязи с философией, историей, литературой, культурой, представляется, будет более эффективно способствовать сохранению и сбережению национального языка и культуры. И долг каждого поколения заключается в том, чтобы развивать и преумножать духовные ценности своего народа, передавать их следующему поколению.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979.
2. Бессонова О. М. Очерк сравнительной теории метафоры // Новое знание. Новосибирск, 1987.
3. Кёрнер Э. Ф. К. Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // ВЯ. 1992. № 1. С. 105–113.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём // Язык и моделирование социального взаимодействия. М. : Наука, 1987.
5. Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. 176 с.
6. Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск : Наука, 1985.
7. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // ВЯ. 1990. № 3. С. 135–146.
8. Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 1998. 249 с.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2011 г.